

Any City Could Be Called Universum About universities, an architectural form and traditions...

Архитекторы, которые думают, что есть какая-то специфическая архитектурная форма у университетов и университетских городков (кампусов), могут разочароваться: нет у университетов, возникших в разных странах и в разное время, особой архитектурной «университетской» формы». Нет ее ни в планировке, ни в зданиях, ни в сооружениях. Каждый университет на особицу. Архитектура университетских зданий соответствует конкретной эпохе, и неважно даже, какая была принята модель для данного университета – немецкая или французская. Немецкая модель, основанная на идеях Вильгельма Гумбольдта и Фридриха Шлейермахера, такова: университет поддерживает академические свободы, лаборатории и организует семинары. Французская модель предполагает жесткую дисциплину и административный контроль за всеми аспектами деятельности профессоров и студентов.

Альма-матер (лат. *alma mater* – кормящая мать) – это скорее университет, выстроенный по немецкой системе. Российские университеты поначалу строились именно по ней, потом в чести стала французская модель. Какая модель существует сейчас в российских университетах – сказать сложно. Современные отечественные университеты унаследовали от всех систем понемногу и не всегда самое лучшее. В результате наша университетская наука развивается не благодаря, а скорее, вопреки установленным порядкам. Наши студенты вовсе не исследователи: они похожи на школьников-переростков, которые не выбирают себе наставников, а ходят на уроки к учителям, которых бог послал.

Но вернемся к архитектуре. Зодчие, которые проектировали университетские здания и кампусы, при всем желании не могли создать особую университетскую архитектуру. Некий мистический дух времени всегда задавал границы допустимого и определял эстетику. Конкретно-временная стилевая парадигма, в рамках которой формируется представление о должном, о нужном, о прекрасном и, как следствие, рождается узнаваемая архитектурная (художественная) форма, едина для всех типов зданий и сооружений своего времени. Декларации мастеров архитектуры XX века, осознанно отрекшихся от эстетических норм своих предшественников, как-то: «изнутри – наружу», «форма следует функции», «форма

должна быть честной», «форма должна быть рациональной», не слишком повлияли на ход событий. Архитектурная форма очистилась от исторических цитат и аллюзий, но не стала ни честной, ни рациональной, ни функциональной.

Мне могут возразить. Как же? А ученые труды сотрудников ЦНИИЭП учебных зданий? Для чего проводились классификации, выработывались нормы, составлялись функциональные схемы, защищались диссертации по типологии? Конечно, работа нужная. Но относится ли все это к архитектурной форме? Большой вопрос.

Парадокс состоит в том, что архитектурная форма как профессиональный термин существует, но определить, что это такое, вряд ли кто-нибудь решится. В статье «Форма и смысл» А. Г. Раппапорт пишет: «В обывденном словоупотреблении понятие архитектурной формы используется во множестве смысловых оттенков, причем строгого установления его у нас нет, и не было в академических теориях архитектуры. Оно полагалось всегда интуитивно ясным и потому не требующем теоретического истолкования. Его применяли, сообразуясь с традиционными представлениями об архитектурных ордерах, орнаменте, декоративной пластике, пропорциях, раскраске, композиционным схемах, и всегда смысл уточнялся контекстом».

Может быть, специалисты по типологии правы, и архитектуру университетов следует рассматривать с точки зрения изменения функции во времени? Но функция университетов не изменилась. Даже терминология все та же: бакалавры, магистры, профессора, доктора, ассистенты, колледжи, общежития, столовые (трапезные), храмы, капеллы, аудитории... Функция эта легко может осуществляться в совершенно различных по своему объемно-пространственному построению зданиях и сооружениях.

Вот, например, МГУ. Первое здание Московского университета построил любимец императрицы Екатерины II Михаил Казаков, который, не слишком мудрствуя, применил традиционную для дворцовых сооружений XVIII века схему курдонера. Был построен большой парадный двор, с трех сторон охваченный корпусами, а с четвертой – отделенный от улицы высокой металлической

ЗДАНИЕ МГУ
Москва, 1949–53, реализация
архитекторы – Л. Руднев,
С. Чернышев, П. Абросимов,
А. Хрыков, В. Насонов

**BUILDING OF THE MOSCOW
STATE UNIVERSITY**
Moscow, 1949–53, realization
architects – L. Rudnev,
S. Chernyshev, P. Abrosimov,
A. Khryakov, V. Nasonov

оградой. На главном фасаде красовался торжественный ионический портик. Для человека, хотя бы немного разбирающегося в истории архитектуры, очевидно: здание построено с характерными для XVIII века планировкой, конструкциями, украшениями, пропорциями и т. п. И если бы не стайки молодежи в парадном дворе – никто бы и не предположил, что это университет.

В 1948 году вопрос строительства нового здания МГУ решался непосредственно в кабинете И. В. Сталина. Генералиссимус объявил свое желание – возвести здание не менее 20 этажей на вершине Ленинских гор («чтобы издали было видно»), и каждому студенту предусмотреть по комнате, а профессорам – удобные квартиры, не говоря уж о столовых, буфетах, стадионах...

Первоначально проект нового здания университета готовила мастерская Бориса Иофана. Однако за несколько

дней до утверждения «в верхах» именитого архитектора и его группу от этой работы отстранили. Создание самой грандиозной из сталинских высоток было поручено мастерской Льва Руднева.

Комплекс МГУ на Ленинских горах получился грандиозным. Но он не слишком отличается по архитектуре от других сталинских высоток. Кто бы мог подумать, что таким может быть университет? Воистину – размер здесь имеет значение. Имеет значение и богатая отделка интерьеров: картины, скульптуры, росписи, концертные рояли в рекреационных холлах, тяжелые портьеры с серпами и молотами... С этим антуражем некогда гармонировали седобородые жрецы науки в костюмах-тройках: «Что, батенька? Обедали сегодня? Прочитали «Материализм и эмпириокритицизм»? Что скажете? А?»

Мой дядя, учившийся на физическом факультете МГУ в середине пятидесятых годов, знал, как произвели впечатление на девушек. Он приводил застенчивых красавиц в главный корпус МГУ и на каждом этаже в холле играл на рояле Шопена. Жил он тогда в общежитии, делил комнату с другом, ходил в единственных потертых штанах и с увлечением работал по вечерам после лекций в лабораториях университета. О таких писал Даниил Гранин в романах «Иду на грозу» и «Искатели».

Среди 24 зданий, принадлежащих сегодня Санкт-Петербургскому государственному университету, основанному Петром I в 1724 году, выделяется творение Доминико Трезини – здание Двенадцати коллегий. Изначально это было административное здание. Для того чтобы его использовать для нужд университета, перестраивать практически ничего не пришлось. Так, в 1837 году на 3-м этаже помещались «камеры казеннокоштных», т. е. живших на казенном иждивении студентов; на 2-м были аудитории, учебные кабинеты, библиотека и правление университета; на нижнем этаже – квартиры профессоров и служащих.

По сравнению с древним Оксфордом Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты находятся еще в относительно юном возрасте. Но и они уже успели обрести традициями и историческими зданиями, являющимися памятниками архитектуры. Большой исторический горизонт создает особую ауру в этих

университетах. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, основанный в 1755 году во времена царствования Елизаветы Петровны, своего названия в угоду модным веяниям не менял, старые строения не терял, традиции, ушедшие было в небытие при советской власти, вновь поддерживает: Татьянин день его сегодняшние студенты, так же как и их дедушки и прапрадедушки, празднуют с большим удовольствием. А вот такого рвения к наукам, какое было в шестидесятых годах XX века, когда смыслом жизни многие считали научный поиск, уже не наблюдается. «Физики» и «лирики» хрущевской оттепели теперь академики и нобелевские лауреаты. Наверное, они так и остались романтиками, для которых дело важнее денег. На смену им пришли прагматики. Увы.

Может быть, в Европе все было иначе? Но и там специфической «университетской» формы нет. В Средние века университетом называлось любое сообщество, организованное для защиты общих интересов. Университетом могло быть сообщество преподавателей и студентов, а могло быть и просто объединение горожан. Университетом часто называли город. Многие современные университетские кампусы и есть небольшие города. Опять же – для кампусов характерна та планировочная схема, которая доминировала в то время, когда они строились. Это может быть квартальная планировка (Кембридж, Оксфорд), это может быть свободная планировка (Иллинойский университет).

В XI–XII веках, как правило, постоянных зданий у сообщества средневековых профессоров и студентов не было. Болонские профессора, к примеру, собирали студентов у себя дома. Позже залы для проведения лекций начали арендовать у горожан. Иногда, когда желающих послушать знаменитого профессора было много, лекции проводились прямо на площадях. Гонорар профессора (или магистра) мог оговариваться отдельно для каждого слушателя или же мог быть одинаковым для всех. Назывался он *rustus* – корм. Не всем средневековым лекторам приходилось «кормиться» досыта. Если к знаменитым профессорам ученики шли охотно, то неизвестных просто игнорировали. Поэтому последним приходилось рекламировать себя всеми доступными способами. Они

приходили к студентам на дом, вербовали их на лекции в трактирах, щедро угощая выпивкой, распускали лестные слухи о себе через торговцев, ростовщиков и даже уличных девиц. Кроме того, платили мзду прославленным профессорам, дабы те уступали им часть своих часов. Были и законные способы завоевать признание учеников и получать заслуженный *rustus*. Так, в 1099 году юный дерзкий Пьер Абеляр в Парижском университете диспутировал с признанным авторитетом – Гийомом де Шампо, который привлекал слушателей со всей Европы. Абеляр победил, и ученики де Шампо стали ходить на лекции молодого дарования. Богословские трактаты Абеляра читают и в XXI веке. И только историки знают имя де Шампо.

Со временем университетские сообщества росли, обзаводились зданиями, добивались определенных прав и привилегий. Центры образования появились во многих городах Европы. Говорили так: «Школяры учатся благородным искусствам – в Париже, древним классикам – в Орлеане, судебным кодексам – в Болонье, медицинским припаркам – в Салерно, демонологии – в Толедо, а добрым нравам – нигде». Доктор Фауст у Гете – ученый. По всей вероятности, он читал лекции в университете. «Я богословьем овладел, над философией корпел, юриспруденцию долбил и медицину изучил. Однако я при этом всем был и остался дураком» – так начинается Фауст свой

^ МГУ, интерьер

первый монолог. Это говорит о том, что Фауст учился в разных университетах Европы полжизни.

В поисках Бога, истины и знаний средневековые монахи и студенты (ваганты) преодолевали тысячи километров, терпели голод и холод. Зеркалом их жизни стали латинские вирши, иногда богобоязненные, иногда игривые. Поэзия вагантов – яркое явление в средневековой европейской культуре.

*Предан Венере Назон, но я еще более предан,
Предан Корнелий Галл – все-таки преданней я.
Галл воспел Ликориду, Назон пылал по Коринне –
Я же по каждой горю: хватит ли духу на всех?*

Благодаря композитору Давиду Тухманову стихи безымянного бродяги-ваганта обрели новую жизнь:

*Во французской стороне,
На чужой планете
Предстоит учиться мне
В университете.
До чего тоскую я –
Не сказать словами...*

В 70-е годы XX века тухмановскую песенку о жизни средневекового студента распевали будущие архитекторы из Свердловского архитектурного института на своих традиционных карнавалах – маевках.

Университеты, возникшие в Средневековье, были подобны монастырям. Это и понятно, поскольку там занимались в основном вопросами теологии и поставляли «специалистов» для различных христианских конфессий. Интересна в этой связи история возникновения Лейденского университета. Основание его связано с одним из тяжелых периодов в жизни города. С октября 1573 по октябрь 1574 года Лейден был осажден испанскими войсками, но благодаря мужеству горожан и Вильгельму Оранскому город был спасен. По легенде, после этого Оранский предложил уцелевшим горожанам выбор – вечное освобождение от налогов или основание университета. Лейденцы выбрали последнее, рассудив, что налоги могут и вернуться, а университет – верный источник доходов. Лейденский университет, старейший в Нидерландах, был открыт 8 февраля 1575 года. Необходимость

основания собственного университета в Северных Нидерландах заключалось главным образом в том, чтобы в условиях Реформации укрепить новую протестантскую теологию и подготовить кадры для протестантских церквей с целью противостояния Римско-католической церкви. Источником финансирования университета на первых порах было конфискованное у католических церквей имущество.

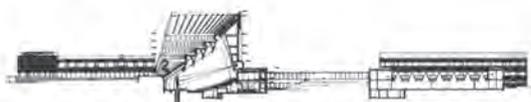
До сих пор мощные стены средневековых университетов, крытые галереи внутренних квадратных дворов, стрельчатые окна, готические шпили, спартанские комнаты-кельи с каменными полами вызывают у современных профессоров и студентов чувство почтения. Но стрельчатые арки, колючие шпили, нервюрные своды характерны не только для монастырей и университетов этой эпохи, но и для соборов, ратуш, дворцов, которые могли быть столь же замкнутыми, как и монастыри.

Может быть, зародившись в Средневековье, архитектура университетов медленно эволюционировала? Может быть, совершенствовалась планировка? Может быть, со временем что-то отмирало, что-то появлялось? Нет, плавной эволюции не случилось. Университетские здания, которые строились в эпоху Ренессанса и барокко имеют характерные черты этих стилей. Университеты, которые строились позже, тоже были продуктом своего времени.

Как показывает практика, совсем не обязательно для новой действительности нужна новая форма. Лекции по квантовой теории можно читать в тех же аудиториях, где проводили диспуты о том, сколько чертей может уместиться на кончике иглы.

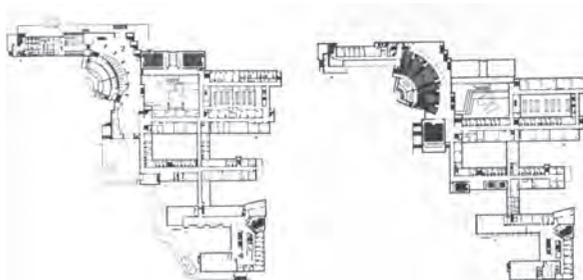
Сегодня монастырский вид и строгий устав современного университета, учрежденного в Средние века, принимается студентами как дань традиции и особая привилегия. Юные джентльмены, обучающиеся, например, в Оксфорде, не имеют права приводить в свои комнаты-кельи девушек. В жилых помещениях нельзя готовить и приносить туда еду. Не поощряется вольный стиль в одежде. Что ж, это понятно. Из поколения в поколение английские аристократы задавали тон в Оксфорде. Этикет в этом университете – не пустой звук.

Поэт Мэтью Эндрус назвал Оксфордский университет «городом грезящих спиелей». Dominus Illuminatio Mea

сохраняют мудрость веков, записанную в формах архитектуры.

В общем:

Алвар Аалто.
Технический университет
в Отаниemi

(«Господь – просвещение мое») – уже тысячу лет девиз этого учебного заведения. Традиции в Оксфорде святы, материализм не в чести.

Некоторые из оксфордских ритуалов весьма экзотичны. Так, каждые сто лет, как правило 14 января, студенты в черных галстуках и мантиях отправляются на «кутиную охоту». Они совершают шествие вокруг колледжа с горящими факелами и пением Песни дикой утки во главе с «Господином Дикой уткой», которого несут в кресле. Последний раз церемония проводилась в 2001 году. Следующая должна состояться в 2101 году. Если мир будет существовать, то студенты Оксфордского университета в 2101 году понесут на шесте дикую утку (что это будет – настоящая утка, чучело, скульптура или голографическое изображение, неизвестно). И точно так же, как 100, 500, 700 лет назад, будет зеленеть трава в квадратных дворах, а грез и воспоминаний у оксфордских готических шпильей станет намного больше.

Да поможет Бог Оксфорду, Кембриджу, Болонскому университету, Сорбонне жить долго и счастливо, поддерживать готические, барочные и классицистические здания в порядке и строить новые библиотеки, учебные корпуса, студенческие клубы... Понятно, что новые сооружения будут в духе времени – стеклянно-металлические или стеклянно-бетонные, почти наверняка – аскетичные и холодные. Пусть даже их будут проектировать Норман Фостер или Заха Хадит. Как бы ни старался архитектор (или, скорее, дизайнер) XXI века изменить парадигму, рождающую архитектурную форму, он не сможет этого сделать, пока не придет другая эпоха. Когда она наступит – неизвестно. Мы ведь до сих пор не можем понять, как родилась готическая архитектура и почему эпоха готики закончилась так резко. Почему art nouveau прожил на рубеже XIX–XX века около 20–25 лет и сменился родства не помнящими функционализмом и конструктивизмом? Есть что-то магическое в смене стилей. А университеты? Они строятся в духе времени и

*Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus.*

*Итак, будем веселиться,
пока мы молоды!
После приятной юности,
после тягостной старости
нас возьмет земля.*